

ИРКУТСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Адресъ редак-
ціи: уголъ Лу-
говой и Пи-
рожковского
переулка, д.
№ 27/1

Цѣна за годо-
вое изданіе съ
доставкою и
пересылкою 5
руб. 50 к.

№

7.

За объявленія за страницу въ первый разъ 8 рублей, во второй и третій разъ по 2 руб., далѣе по 1 руб. 50 коп. За половину и четверть страницы въ соотвѣтственное число разъ меньше.

Апрѣль 1. Х L. 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ ОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

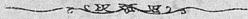
Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства отъ 3-5 мар-та с. г. за № 158, псаломщикъ Нижнеудинскаго Вознесенскаго собора Николай Смирновъ уволенъ за штатъ, согласно его прошенію; мѣсто при Нижнеудинскомъ Вознесенскомъ со-борѣ объявляется вакантнымъ.

Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства отъ 3-5 марта с. г. за № 156 псаломщикъ Солонецкой Николаевской церкви Петръ Амвросовъ увольняется за штатъ согласно его прошенію; мѣсто при Солонецкой Николаевской церкви объявляется вакантнымъ.

Священникъ Забайкальской епархіи Николай Сѣрышевъ опредѣленіемъ Иркутскаго Епархіальнаго Начальства отъ 3-11 марта за № 23 принятъ въ Иркутскую епархію и назначенъ Настоятелемъ Новоудинской Покровской церкви.

Діаконъ Владимиръ Сапфировъ переведенъ отъ Чечуйской Воскресенской церкви къ Балаганскому Спасскому собору; мѣсто при Чечуйской церкви объявляется вакантнымъ.

П Р И В ъ Л Е Н І Я

КЪ ИРКУТСКИМЪ

Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

А П Р Ъ Л Ъ 1. № 7. 1903 г.

БЛАГОДАТНОЕ ДѢЙСТВІЕ ТАИНСТВА СВ. КРЕЩЕНІЯ.

Миссіонеръ Еланцинскаго миссіонерскаго стана, свящ. И. Литвинцевъ рапортомъ отъ 15 января текущаго года донесъ Епархіальному начальству, что 15 декабря 1902 года имъ просвѣщенъ св. крещеніемъ магометанинъ, крестьянинъ изъ ссыльныхъ Манзурской волости, Джіембенъ Изгебергеновъ. Обстоятельства, побудившія Изгебергенова къ принятію Св. Крещенія, какъ это видно изъ его показанія, засвидѣтельствовааннаго Еланцинской инородной управой, состояли въ слѣдующемъ. Въ 1902 году Изгебергеновъ заболѣлъ и во время болѣзни далъ обѣщанія, что если выздоровѣетъ, то приметъ св. крещеніе. Тотчасъ здоровье его начало поправляться, и черезъ четыре дня онъ былъ уже совершенно здоровъ. Тогда онъ обратился къ священнику, былъ наставленъ въ истинахъ св. вѣры и просвѣщенъ св. крещеніемъ съ нареченіемъ ему имени Николай. Въ настоящее время Изгебергеновъ пользуется полнымъ здоровьемъ, какъ будто никогда не хворалъ.

Высокопреосвященнѣйшій Тихонъ, Архі- епископъ Иркутскій и Верхоленскій.

*(Біографическій очеркъ по случаю
исполнившася 50-тилѣтія со дня
рукоположенія его въ Священный санъ).*

(Продолженіе).

Двадцатилѣтняя учебно-педагогическая дѣятельность, соединенная съ другими обязанностями, выдвинула О. Архимандрита Тихона на новый болѣе важный постъ епископскаго служенія: 5 Іюня 1882 г. Высочайше утверждень докладъ Святейшаго Синода о бытіи Архимандриту Тихону Епископомъ Сарапульскимъ, Викаріемъ Вятской епархіи. Іюня 18 дня онъ хиротонисанъ былъ во епископа въ С. Петербургѣ въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры. Не безъ страха и трепета вновь посвященный епископъ вступилъ на новый постъ своего служенія церкви Божіей. Высота и святость епископскихъ обязанностей и безконечно разнообразныя требованія времени не мало смущали его. Да, высокъ самъ по себѣ подвигъ епископскаго служенія, но онъ еще выше въ наше безнокойное время, когда власть тьмы дерзко возстаегъ на царство Божіе въ видѣ невѣрія, раскола, сектанства и нравственнаго развращенія. Было время, но оно миновало, когда нашъ русскій народъ покѣился подъ сѣнію церкви православной, какъ дѣти, чуждый всякихъ сомнѣній и религіозныхъ недоумѣній. Но тѣ времена, къ сожалѣнію, прошли и настала пора новыхъ вѣяній и колебаній религіозной жизни подъ вліяніемъ горделивой мудрости человѣческой. Явились во главѣ этого новаго направленія самозванные учителя и непрощенные благодѣтели православно-русскаго народа, которые, вмѣсто чистыхъ родниковъ православія, ищутъ другихъ источниковъ мудрости человѣческой, которые, вмѣсто чистой воды православно-христіанскаго ученія, даютъ всякаго рода муть и грязь и разнообразныя

тлетворныя заразы. И эти вѣянія модныхъ лжеученій не только свободно распространяются въ средѣ такъ называемой интеллигенціи, но и проникаютъ въ народъ и въ немъ пускаютъ свои ядовитыя корни. Въ виду такого положенія вещей, на пастыряхъ церкви лежитъ долгъ не только учить и проповѣдывать, но и охранять обязательно чистоту православнаго ученія, защищая ее отъ вліянія непрошенныхъ радѣтелей и просвѣтителей русскаго народа. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла, чѣмъ выше служеніе, тѣмъ болѣе требуетъ оно труда и напряженія нравственныхъ силъ, доходящаго до самоотверженія. Поэтому при одной мысли о высотѣ и трудности архипастырскаго служенія отъ страха замираетъ сердце. И только одна вѣра укрѣпляла вновь нареченнаго епископа въ дерзновеніи принять на себя бремя архіерейскаго служенія. Только одно убѣжденіе ободряло его, что служеніе архіерейское имѣетъ свое начало не отъ человѣка, но отъ Верховнаго Архіерея Господа нашего Іисуса Христа, и что сила его заключается не въ человѣческой мудрости, но въ божественномъ ученіи, не въ естественныхъ только дарованіяхъ, но въ благодати Божіей немощная врачующей. Будучи подкрѣпляемъ вѣрой и надеждою на всеильное содѣйствіе Благодати Божіей, Преосвященный Тихонъ въ Іюнь мѣсяцѣ 1882 г. всетаки не безъ робости, вступилъ въ предѣлы Вятской епархіи, которая по своей обширности, а также и по многочисленности дѣлъ, принадлежитъ къ числу трудныхъ по управленію епархій. Вятскій край искони русскій край, но онъ въ тоже время не мало вмѣщаетъ въ себѣ разныхъ инородцевъ, каковы—татары, вотяки, черемисы, зыряне. Здѣсь-же, какъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ—Костромской и Нижегородской, свилъ себѣ прочное гнѣздо и русскій расколъ. При томъ-же Вятская губернія, какъ разобщенная съ центральной Россіей, долго служила мѣстомъ ссылки извѣстнаго рода преступниковъ. Мно-

го сохранилось въ нравахъ и обычаяхъ Вятчанъ доброй патриархальной старины, но немало остается въ этихъ нравахъ и обычаяхъ темныхъ пятенъ живаго наслѣдія грубой и некультурной эпохи русской имперіи. Возбудить пастырей Вятской епархіи бодро, ревностно и честно нести труды свои на спасительную пользу своихъ прихожанъ, съ любовію и духомъ кротости стремиться къ обращенію заблудшихъ и въ тоже время зорко оберегать добрыхъ овецъ своего многочисленнаго стада отъ всякихъ козней враговъ православія и отечества, — вотъ задачи, которыя намѣтилъ себѣ Преосвященный Тихонъ и которыя самоотверженно преслѣдовалъ во все время своего служенія въ Вятской епархіи, находясь подъ непосредственнымъ руководствомъ опытнаго въ дѣлахъ епархіального управленія Высокопреосвященнѣйшаго Аполлоса, Архіепископа Вятскаго и Слободскаго, по порученію котораго предсѣдательствовалъ въ комитетѣ миссіонерскаго общества. Кромѣ того, въ бытность свою викаріемъ Вятской епархіи, Преосвященный Тихонъ между прочимъ состоялъ членомъ Общества врачей города Вятки и членомъ попечительнаго комитета публичной бібліотеки. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1885 г. по распоряженію Святѣйшаго Синода былъ вызванъ въ городъ Казань, для присутствованія въ собраніи архипастырей сѣверо—восточныхъ и приволжскихъ епархій для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ о духовно-нравственныхъ нуждахъ инородческихъ — православныхъ приходовъ и о замѣчаемомъ развитіи въ тѣхъ епархіяхъ раскольнической и магометанской пропаганды, съ цѣлію выработать общія для всѣхъ мѣры къ пресѣченію и ослабленію означенной пропаганды на православные приходы, такъ и къ развитію и укрѣпленію православія въ приходахъ инородческихъ. Результатомъ архипастырскаго собранія въ Казани вскорѣ появились въ печати два пастырскихъ посланія — одно къ православнымъ, а другое къ глаголемымъ старообрядцамъ. Въ

пастырскомъ посланіи къ православнымъ говорится о благахъ, дарованныхъ вѣрою для отдѣльныхъ людей и цѣлаго народа, потомъ начертаны прискорбныя картины распространенія среди общества невѣрія съ его неизбѣжными послѣдствіями и житейскими недугами, а въ заключеніи сдѣлано наставленіе невѣрующимъ и маловѣрнымъ обратиться на путь истины и творить дѣла правды каждому по роду своихъ занятій. Въ посланіи къ глаголемымъ старообрядцамъ съ историческимъ безпристрастіемъ разсмотрѣны причины, породившія расколъ, указывается на то, что православная церковь снисходительно относится къ старому обряду, и благословляется такъ называемое единовѣріе, разрушившее послѣднее средоточіе къ соединенію старообрядства съ православною церковью. Оба эти посланія проникнуты духомъ любви, мира и пастырскаго попеченія; въ нихъ нѣтъ ни одной угрозы, ни одного рѣзкаго слова. Послѣ окончанія занятій съѣзда Архипастырей поволжскаго края, Преосвященный Тихонъ въ 20 день Марта 1886 г. за отлично усердное и полезное служеніе въ званіи викарія Вятской епархіи Всемиловивѣйше сопричисленъ къ Императорскому ордену Святыя Анны 1-й степени.

Служеніе Преосвященнаго Тихона въ Вятской епархіи было непродолжительно. 8 Марта 1886 года по Всеподданнѣйшему докладу Святѣйшаго Синода Высочайше повелѣно ему быть самостоятельнымъ Епископомъ Енисейскимъ и Красноярскимъ. И въ это столь непродолжительное служеніе въ Вятской епархіи Преосвященный снискалъ себѣ общее уваженіе и любовь, которыя были достойною данью за его неустанное и назидательное священнослуженіе, за его добросердечное и ласковое обращеніе со всѣми, за его благожелательность и участливость въ нуждахъ каждаго, кто бы только ни обращался къ нему. За все это онъ удостоенъ былъ такихъ проводовъ на новое мѣсто своего служенія, какіе рѣдко

выпадаютъ на долю викарныхъ епископовъ. Отслуживши послѣднюю Литургію въ храмѣ Успенскаго Трифонова монастыря, Преосвященный обратился съ прочувствованною прощальною рѣчью къ бывшимъ своимъ пасомымъ, въ которой выразилъ свое сожалѣніе о предстоящей разлукѣ. «Душа моя, говорилъ въ смущеніи духа Владыка, исполнена скорби нынѣ,— скорби, говорю, потому что приспѣло время разставаться съ вами... Пусть я немного времени жилъ среди васъ, всего полседмины лѣтъ, но и въ такой періодъ времени я настолько сроднился съ Вятчанами, настолько полюбилъ ихъ, что съ равнодушіемъ оставлять страну сію, съ ея добрыми людьми, я не могу..... Потому, говорилъ Владыка, скорби исполнился сердце мое при разлукѣ съ вами, при мысли, что на землѣ, быть можетъ, мы видимся съ вами въ послѣдній разъ. Но при скорби есть мѣсто утѣшенію въ моемъ сердцѣ.... Благодарное воспоминаніе о добрыхъ чувствахъ ко мнѣ будетъ утѣшеніемъ для меня въ далекой сибирской странѣ.» Въ заключеніе своей бесѣды Владыка обратился къ предстоящимъ съ такою просьбою: «Прошу и молю васъ, братіе, не угашайте въ себѣ духа вѣры и благочестія, а восгрѣвайте его болѣе и болѣе во славу Божию и спасеніе себѣ». Послѣ окончанія Литургіи явились проститься съ Владыкой и принять отъ него благословеніе представители городского общества и другія почетныя лица. Вообще, какъ написано въ Вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, въ послѣдніе дни предъ отъѣздомъ Владыки съ утра до вечера являлись къ нему разныя лица за благословеніемъ и за послѣднимъ словомъ любви и назиданія. За день до отъѣзда его приготовленъ былъ прощальный обѣдъ, который почтили своимъ присутствіемъ многія высокопоставленныя лица города духовныя и свѣтскія. За обѣдомъ, кромѣ множества задравныхъ тостовъ и поздравленій, одинъ изъ представителей мѣстнаго духовенства о. протоіерей Александровъ сказалъ рѣчь, въ

которой, изобразивши умственные и нравственные качества Владыки, сказалъ между прочимъ слѣдующее. «Самое искреннее и неподдѣльное уваженіе, расположеніе и любовь приобрѣлъ ты отъ духовенства высшаго и низшаго, отъ обителей иночества и отъ учреждений науки и просвѣщенія; отъ представителей административной и судебной власти и отъ обществъ всѣхъ сословій и состояній. Вятка, Сарапулъ, Глазовъ и всѣ прочіе города и веси здѣшняго края утѣшались тобою съ любовію и сердечно желаютъ тебѣ встрѣтить такую же любовь и въ отдаленной твоей паствѣ.» Далѣе ораторъ яркими и живыми чертами изобразилъ тѣ симпатичныя качества, которыми такъ прославилъ себя Преосвященный Епископъ Тихонъ. «Не блескомъ какимъ либо, не краснорѣчіемъ оратора, тѣмъ болѣе, не потворствомъ и лицепріятіемъ приобрѣлъ ты сердечное наше расположеніе; нѣтъ, кратко и просто, не хитро и не изыскано было слово твое, а какъ то случилось, что оно вскорѣ, безъ усилія съ твоей стороны, привело насъ въ искреннее къ тебѣ послушаніе, такъ что желанія твои мы готовы были исполнять съ сыновнею довѣрчивостію, съ пріятностію и радостію.» Послѣ о. протоіерея Александра сказалъ рѣчь о. Ректоръ Семинаріи, который отъ имени семинарской корпораціи выразилъ сердечное пожеланіе Преосвященному благоденствія и благопоспѣшенія на новомъ мѣстѣ своего служенія. На слѣдующій день все мѣстное духовенство, въ полномъ своемъ составѣ, представилось Его Преосвященству принять Архипастырское благословеніе, причемъ былъ поднесенъ ему отъ лица Вятскаго духовенства нерукотворенный образъ Христа Спасителя въ серебрянной, позолоченной ризѣ. Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Вяткѣ Преосвященный получилъ нѣсколько адресовъ и прощальныхъ писемъ, исполненныхъ искреннихъ чувствъ благодарности, преданности и любви. 1-го Мая 1886 года въ 7 часовъ утра Преосвященный Тихонъ при колокольномъ зво-

нѣ выѣхалъ изъ города Вятки на пароходную пристань, куда прибыли проститься съ отъѣзжающимъ Преосвященнѣйшій Макарій, Начальникъ губерніи, Вятскій Вице-Губернаторъ, Прокуроръ Окружнаго Суда и многія другія почетныя лица города. Въ 8 часовъ утра пароходъ отошелъ отъ пристани*). Въ попутныхъ городахъ и селеніяхъ встрѣчали Архипастыря торжественно, просили его принять хлѣбъ-соль, подносили адреса, говорили привѣтствія.

И такъ 20 лѣтъ Преосвященный Тихонъ потрудился въ дѣлѣ образованія духовнаго юношества, съ которыми самъ изучалъ обязанности великаго пастырскаго служенія, помышляя о томъ, какъ подобаешь въ дому Божіемъ жити.

Потомъ въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ, состоя викаріемъ Вятской епархіи, практически подготовилъ себя къ дѣламъ епархіальнаго управленія и, благодаря этой предварительной подготовкѣ, твердою ногою вступилъ въ самостоятельное управленіе Енисейской епархіей, будучи исполненъ опыта и практическаго такта.

Прот. В. Копыловъ.

(Продолженіе послѣдуетъ).

Б У Р Я Т Ы.

(Окончаніе).

(Физическій типъ и духовная личность бурятъ).

Другая нехорошая черта характера бурятъ та, что они лѣнны и безпечны; они не загадываютъ о будущемъ, а живутъ настоящимъ.

Коли есть чай, поють они въ одной пѣснѣ, будемъ
пить чай,

Повеселимся добрымъ сердцемъ;

Коли есть пища, поѣдимъ,

*) Вятскія епар. Вѣдом. 1886 г. № 10.

Повеселимся товарищескимъ сердцемъ;

Коли есть табакъ, покуримъ,

Повеселимся сидючи по дружеству*).

Отъ этого жизнь ихъ крайне безсодержательна и пуста. День бурята мущины состоятъ по большей части положительно въ ничего недѣланіи. Въ то время какъ женщина бурятка шьетъ одежду и обувь, выдѣлываетъ кожи, готовитъ дрова и пр., мущина гонимый скукой или мчится за сотни верстъ отъ своего жилища, или безъ толку слоняется изъ юрты въ юрту съ единственной надеждой попасть на кутежку, или же спать по цѣлымъ днямъ. Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать небольшую выдержку изъ интересной жизни М. І. П. «Типы бурять». «У меня есть, говоритъ авторъ, сосѣдь бурять Олзой. О существованіи этого сосѣда я узналъ только въ недавнее время и совершенно случайно.... Одинъ разъ вечеромъ, объѣзжая верхомъ озеро, я замѣтилъ около горы пріотившуюся бурятскую юрту. Такъ какъ юрта стояла вдали отъ улуса и вблизи ея не было замѣтно жизни....., то я любопытствовалъ заглянуть внутрь ея. Изъ юрты пахнуло на меня жилымъ воздухомъ, и когда я ориентировался въ помещеніи еще больше темномъ отъ наступившихъ сумерокъ, то прежде всего замѣтилъ на серединѣ пола едва тлѣющіе угольки, покрытые слоемъ золы.... Все было тихо. Меня объяло тоскливое чувство.

— „Есть тутъ кто нибудь?“—Молчаніе.

— „Эй, послушайте!“—крикнулъ я громче и хотѣлъ было уже выдти на улицу, рѣшивши, что юрта эта недавно покинута какими-нибудь бѣглецами, какъ послышался въ углу шорохъ, потомъ сонніе, а потомъ кто-то соннымъ голосомъ спросилъ побурятски.

— „Кто пришелъ? Чего надо?“

— „Это я.. сосѣдь... Ыхаль мимо тебя, да заѣхаль познакомиться“...

*) Позднѣвъ. Цит. соч., р. 293.

— „А... А...“ промычалъ кто-то въ отвѣтъ, далѣе сочно зѣвнулъ и затѣмъ я слабо различилъ направлявшуюся къ очагу фигуру.

Фигура долго копалась, нѣсколько разъ чихнула и потомъ начала дуть на тлѣющій огонь. Теперь я уже хорошо видѣлъ приплюснутый носъ, отдувавшіяся щеки и руку, которая подкладывала тонкія полѣна. И носъ, и щеки, и рука были залиты краснымъ сіяніемъ отъ разгоравшихся полѣнъ. Все остальное было покрыто „мракомъ неизвѣстности“. Наконецъ, огонь весело вспыхнулъ, побѣждалъ тонкими струйками по ребрамъ полѣнъ и затѣмъ со злобнымъ трескомъ началъ пожирать дрова.

Предъ огнемъ сидѣлъ крѣпкій старикъ буряты, самый обыкновенный буряты, исключая черезчуръ ветхой одежды. Буряты взглянулъ мелькомъ на меня, и сказавши кратко „сидись“, началъ равнодушно поправлять полѣна, какъ-бы забывши про мое существованіе.

Я выжидалъ вопроса со стороны хозяина и, не дождавшись, самъ началъ разговоръ.

— „Ты одинъ живешь-то?“

— „По-что одинъ?“—долгіи зѣвокъ. Буряты очевидно удовлетворился такимъ отвѣтомъ и замолчалъ. Меня положительно началъ веселить мой невеселый собесѣдникъ, который уставился неподвижно глазами въ огонь.

— „Кто же съ тобой живетъ? жена есть?“

— „Какое жена! жены нѣтъ“...

— „Какъ же безъ жены-то? ты холостой?“

— „По-что холостой? вдовой... дочери есть“...

Послѣ каждаго неяснаго отвѣта я ждалъ нѣсколько минутъ подробностей, но буряты былъ кратокъ и неопредѣленъ въ рѣчи, какъ Пиоія. Я начиналъ снова...

— „Гдѣ же дочери? въ гости уѣхали?“

— „Зачѣмъ въ гости?“...

— „Да куда же онѣ дѣвались?“

— „Замужь отдалъ“.

— „Такъ кто съ тобой живетъ-то? какъ же хозяйничаешь?“

— „А вотъ, братъ!“... буряты указалъ пальцемъ въ уголъ. Изъ угла торчали одни ноги. Братъ очевидно спалъ крѣпкимъ сномъ, прикрытый тулупомъ. Я напряженно прислушался, но изъ подъ тулуна не было слышно ни звука.

— „Значить братъ твой доить коровъ?“

— „Зачѣмъ братъ? дѣло не мужицкое“...

— „А кто же ходитъ за твоими коровами?“

— „Какими коровами? у меня нѣту“...

Я вопросительно взглянулъ на этого нищаго изъ нищихъ. Самый бѣдный буряты имѣеть коровенку, другую, если только не скитается по людямъ. Меня взяла жалость. Молоко съ его продуктами замѣняетъ бурятамъ насущный хлѣбъ, ибо многіе не имѣютъ возможности ѣсть круглый годъ мяса.

— „Такъ ты безъ молока живешь? Бѣ-ѣдный!“

— „По-что безъ молока?“...

Въ это время заворочался подъ тулупомъ спящій буряты. Онъ приподнялся, тупо взглянулъ на меня и, подсѣвши къ очагу, началъ варить чай.

Я поразился замѣчательнымъ сходствомъ братьевъ. Трудно подобрать болѣе схожихъ двойниковъ. У проснувашагося буряты былъ только болѣе блѣдный цвѣтъ лица.

Путемъ долгихъ вопросовъ и странныхъ по ледяному равнодушію отвѣтовъ мнѣ удалось узнать, что буряты Олзой живетъ около семи лѣтъ одинъ съ братомъ Цыдебомъ. Олзой давно овдовѣлъ, а имѣвшихся двухъ дочерей выдалъ замужь очень удачно. Младшая его дочь вышла за весьма зажиточнаго человѣка, жившаго въ сосѣднемъ улусѣ. Отъ богатаго зятя Олзой получалъ жизненную поддержку въ видѣ молока, кусковъ мяса, а иногда и араки. Братъ его — Цыдебъ чело-

вѣкъ молчаливый, странный. Жениться ему не пришлось сначала по бѣдности, а теперь года прошли, не до женитьбы... Вотъ они и живутъ вмѣстѣ.

— „Чѣмъ же вы занимаетесь?“

Олзой посмотрѣлъ на меня недоумѣнно и вмѣсто отвѣта началъ сосредоточенно курить трубку.

— „Что вы дѣлаете утромъ?“ началъ я опять систематически допрашивать бурятъ.

— „Чай пьемъ“.

— „Ну, а послѣ чаю?“

— „Когда поговоримъ... Бываетъ,—знакомый пріѣдетъ“.

— „Это я знаю... Что работаете?“

— „Гдѣ теперь работать! хозяйства нѣтъ. Какая наша работа?“

— „Вѣдь безъ дѣла то скучно?“

— „Зачѣмъ скучно? наша привычна“...

— „А въ улусы ѣздишь? почему ко мнѣ не пріѣхалъ? всѣ братскіе бывали“...

— „Коня нѣту. Ходить трудно“.

— „Ну, а если братъ твой умретъ, а ты заболѣешь? какъ быть-то? кто сходить по дрова?“

— „Куда дѣться? и заболѣть придется. Всему время“...

— „Послушай, Олзой: за такую жизнь Богъ разгнѣвается. Нужно что-нибудь дѣлать. Ты еще человѣкъ крѣпкій, братъ у тебя подмога... Въ рабочихъ рукахъ теперь нуждаются... А ты чай пьешь, да спишь... Ничего не дѣлать грѣхъ. Богъ разсердится“...

— „Что Ему сердиться? Онъ далъ бы мнѣ табуна“...

— „А! у тебя надежда на зятя... А если зять твой вдругъ обѣднѣетъ... Табунъ его сибирка (сибирская язва) уничтожить... У васъ часто случается,—кто тебя будетъ кормить съ братомъ? Кто дастъ молока, мяса?...

Этимъ вопросомъ я думалъ привести Олзоя въ смущеніе, въ раздумье, навести на мысль о необходимости труда, хотя бы въ виду всевозможныхъ случайностей, но Олзой даже не посмотрѣлъ на меня.

— „Може другіе помогутъ, а може придется умирать. Дѣло Божеско“...

Олзой выпустилъ изъ трубки клубъ дыма и съ философскимъ равнодушіемъ плюнулъ въ сторону.

— „Чудаки вы! не вытерпѣлъ я, почувствовавъ какое-то раздраженіе, и птичка летаетъ съ мѣста на мѣсто, собираетъ зернушки и всякая тварь пищу себѣ промышляетъ, по своему трудится... а вы? слава Богу! народъ еще сильный, могли бы сами пропитанье добывать... Хочешь я тебѣ найду дѣло? Нанимайся ко мнѣ въ работники... У меня легко, трудъ по плечамъ... Право, Олзой, нанимайся! Теперь у меня работникъ уходитъ... Хорошо заживемъ! и брату твоему хватить мѣста и дѣла. Какъ скажешь? Идетъ, по рукамъ?“...

Олзой чистилъ носъ.

— „Пойдешь ко мнѣ? ну, ну! расшевелись“...

— „Неподходяще. Чай станешь пить?“

— „Нѣтъ, мнѣ надо спѣшить“. Мы посидѣли нѣсколько минутъ, молча. Неприятное чувство сталъ вызывать во мнѣ видъ крѣпкихъ людей, сидящихъ цѣлые дни въ юртѣ, пьющихъ чай, курящихъ трубки... Бѣлоручки!

Душно мнѣ сдѣбалось. Казалось, вся юрта пропитывается мертвящимъ духомъ. Я всталъ.

— „Прощайте! Поѣду домой“...

— „Проща-а-ай!“ промычали братья и едва взглянули на меня. Я поспѣшно вышелъ, но затворяя за собой дверь, не утерпѣлъ, оглянулся назадъ. Братья не спѣшно тянули изъ деревянныхъ блюдечекъ чай и сонливомъ, какимъ-то безучастнымъ взоромъ уставились на огонь. На стѣнѣ юрты

вырисовывались, отбрасываемыя отъ братьевъ, двѣ огромныя, застывшія тѣни.

Впрочемъ все сказанное сейчасъ о жизни бурята въполнѣ относится только къ тѣмъ бурятамъ, которые еще исключительно занимаются скотоводствомъ. Тѣ же, которые перешли въполнѣ или на половину къ земледѣлю, такъ сказать, самой природой, хотя на время, вынуждаются сбрасывать съ себя лѣнь и апатію и заниматься дѣломъ.

Кромѣ того въ бурятахъ нельзя не замѣтить грубо чувственныхъ инстинктовъ, на примѣръ приверженности къ пьянству и азартнымъ играмъ въ карты и шагайки, свободного отношенія между полами и пр.; по крайней мѣрѣ обо всѣхъ этихъ порокахъ не рѣдко упоминается въ пѣсняхъ. Такъ одна пѣсня гласитъ слѣдующее:

Стклянка, привезенная изъ го- Стклянка, привезенная отъ
рода, хана,
Привыкла къ тогонной водкѣ; Привыкла къ черной водочкѣ;
Скромная миловидная дѣвочка Сдѣлавшаяся подругою дѣвочка
Привыкла къ груди своего друж- Привыкла къ груди своего
ка. дружка.

Стклянка, привезенная отъ повелителя,

Привыкла къ водочкѣ;

Сверстница дѣвочка

Привыкла къ груди своего дружка.*)

При этомъ героями любовныхъ походовъ иногда являются и ламы. «Проповѣдую, говоритъ Позднѣвъ, старикамъ о ничтожествѣ матеріальнаго міра, о злѣ, происходящемъ отъ подавленія духа страстями, они въ обществѣ молодежи забываютъ эту проповѣдь и не рѣдко заводятъ любовныя шашни.

Брякающимъ коралловымъ привѣскамъ ея, гласитъ
одна пѣсня,

*) Позднѣвъ. Образцы..., 1 р. 295—6.

Не достаетъ голубого лазурика,
 Цебжитъ, маленькой дѣвочкѣ,
 Не достаетъ монастырскаго уставщика,
 Брякающимъ коралловымъ привѣскамъ ея
 Не достаетъ чернаго лазурика,
 Смугленькой, розовенькой Цебжитъ
 Не достаетъ любезнаго уставщика.
 Бѣлыя, раковинныя четки его
 Блестятъ противъ вѣтра;
 Уставщикъ Чисановскаго куреня
 Врѣзался въ мысль и сердце.
 Красная шелковая шуба его
 Ловка на швахъ;
 Унпзатикъ нашей мѣстности
 Врѣзался въ умъ и сердце*).

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что свободное отношеніе между полами у бурятъ зависитъ не столько отъ природной склонности ихъ къ разврату, сколько отъ особаго взгляда на женщину. По взгляду бурята женщина, во первыхъ, рабочая сила, во вторыхъ, она необходимый элементъ для продолженія потомства, на возможности имѣть которое бурятъ сосредоточиваетъ всѣ свои мысли. Но такъ какъ женщина покупается за калымъ, за плату и плату сравнительно высокую, то естественно, что и покупающій не прочь убѣдиться, что она способна выполнить то и другое назначеніе и родители дѣвушки въ видахъ большаго калыма не имѣютъ основаній мѣшать доказать ей свою правоспособность. Вотъ на этой почвѣ и зиждется свободное отношеніе между полами. Дѣвушка у бурятъ въ большинствѣ случаевъ, говоритъ г. Кулаковъ, сходитя съ мужчиной раньше вступленія въ бракъ; всѣ это знаютъ; никто не ставитъ этого дѣвушкѣ въ вину, и если она до брака имѣетъ ребенка, ее

*) Познянѣвъ. Образцы.... 1 р. 250—251.

тѣмъ охотнѣе берутъ въ жены, такъ какъ она уже доказала свою способность къ дѣторожденію.

Въ пѣсняхъ хоринскихъ буряты содержатся указанія на существованіе еще болѣе грубаго порока-снохачества. Но къ чести буряты нужно сказать, что большинство признаетъ этотъ порокъ въ высшей степени не естественнымъ и уродливымъ, относится къ нему съ отвращеніемъ и ужасомъ и окружаетъ самой мрачной обстановкой.

Не менѣе, чѣмъ свободное отношеніе между полами, у буряты развитъ и другой порокъ-алкоголизмъ. Злоупотребленіе тарасуномъ, національнымъ бурятскимъ напиткомъ, приготовляемымъ изъ молока, отмѣчаютъ и подчеркиваютъ вредное его вліяніе рѣшительно всѣ изслѣдователи и наблюдатели бурятской жизни. Съ приходомъ русскихъ злоупотребленіе это не только не уменьшилось, но приняло еще большіе размѣры, потому что теперь буряты отравляются не однимъ уже тарасуномъ, но еще и плохой сивушней водкой иркутскихъ заводчиковъ.

Наконецъ въ числѣ чертъ нравственной личности буряты нельзя не отмѣтить съ одной стороны, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ крайній религіозный фанатизмъ, съ другой и въ громадномъ большинствѣ случаевъ крайній индефферентизмъ. Первый чаще замѣчается среди ламаитовъ, послѣдній среди какъ ламаитовъ, такъ и шаманистовъ и постепенно усиливается по направленію къ сѣверо-востоку, достигая своего апогея въ Приленскомъ краѣ.

Таковъ въ общемъ нравственный обликъ буряты. Въ умственномъ отношеніи всѣхъ ихъ легко подѣлить на двѣ группы, очень сильно различающіяся одна отъ другой: шаманистовъ и ламаитовъ. Первые въ большинствѣ случаевъ поражаются своею некультурностью, которая выражается въ ихъ нечистоплотности, въ ихъ незнакомствѣ съ самыми основными гигиеническими требованіями, въ плохихъ, антигигиеническихъ условіяхъ ихъ жизни и пр. Но самое главное, до

60-х годовъ текущаго столѣтія, когда между ними начали заводиться школы и оказывать нѣкоторое вліяніе на нихъ, они рѣшительно не задавались никакими вопросами, выходящими изъ круга ихъ обычныхъ житейскихъ отношеній, о чемъ свидѣлствуютъ какъ путешественники, такъ и ихъ словесныя произведенія. Такъ, патеръ Георги, описывая бурятъ шаманистовъ, говоритъ о нихъ такимъ образомъ: «Народъ сей предпочитаетъ всему любострастное и бездѣйственное спокойствіе. Разумъ ихъ косень и разсужденіе весьма слабое*»). Позднѣйшіе путешественники аттестуютъ ихъ не лучше. Не лучше же они аттестуютъ себя и въ своихъ словесныхъ народныхъ произведеніяхъ. Такъ, въ пѣсняхъ, изданныхъ проф. Позднѣвымъ, и въ рукописныхъ сборникахъ, хранящихся въ Восточно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго общества, въ доброй половинѣ воспѣвается или распутство или пьянство. Въ сказкахъ герои исключительно или дерутся другъ съ другомъ, или же обманываютъ другъ друга въ сферѣ самыхъ обычныхъ житейскихъ отношеній. Даже болѣе-мысль бурята шаманиста настолько привыкла къ извѣстному ходу событій въ мірѣ и жизни, что другой порядокъ ему кажется невозможнымъ, а всякіе идеалы другого порядка—безсмыслицей, надъ которой не стоитъ задумываться и ломать голову. Такъ, въ одной пѣснѣ онъ поетъ:

Зима-что это такое?

Какъ же можно, чтобы всегда было лѣто?

Старость—что это такое?

Какъ же можно, чтобы всегда быть молодымъ?

Осень-что это такое?

Какъ же можно, чтобы была постоянно весна?

Престарѣлый-что это такое?

Какъ же можно, чтобы всю жизнь быть молодымъ**)?

*) Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійск. государствѣ народовъ. кн. 1v. р. 21.

***) Позднѣвъ. Образцы..... 1 р. 292.

Но особенно удивляться этой страшной умственной апатии и нечего. Вспомнимъ, какъ однообразна жизнь бурятъ шаманистовъ, какъ мало даетъ она матеріала для мысли, какъ много тратится силъ, энергіи и пожалуй матеріальныхъ средствъ на борьбу съ признаками своей же собственной фантазіи въ видѣ цѣлаго ряда боговъ и духовъ, которые только тѣмъ и заняты, чтобы дѣлать зло ихъ почитателю. Сюда, въ эту застывшую среду ни откуда не проникали болѣе новыя и живыя идеи. А вѣдь культурное развитіе только тамъ и возможно, гдѣ есть возможность созданія или заимствованія новыхъ идей, которыя возбуждаютъ критическое отношеніе къ отжившему уже свой вѣкъ и способствуютъ созданію болѣе новаго и свѣтлаго. Правда, буряты шаманисты уже три столѣтія соприкасаются съ русскими, культура которыхъ безъ сомнѣнія выше ихъ культуры. Но къ сожалѣнію до самаго времени управленія Сибирью Сперанскаго отношенія между завоевателями русскими и покоренными ими инородцами носили чрезвычайно странный характеръ. Завоеватели смотрѣли на инородцевъ какъ на платежную только силу и всячески ее утилизировали, не заботясь, за немногими исключеніями, о культурномъ воздѣйствіи на нихъ, покоренные инородцы уходили подальше отъ завоевателей и замыкались отъ ихъ вліянія. Правда, со времени Сперанскаго наступила иная пора. Но то, что было сдѣлано въ теченіе двухъ вѣковъ, мудро уже было поправить въ четыре, пять десятковъ лѣтъ, такъ что мы едвали ошибемся, если скажемъ, что дѣйствительное культурное вліяніе русскихъ на бурятъ началось только съ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда и для нихъ начали заводиться школы.

Гораздо богаче умственная жизнь бурятъ ламаитовъ, чему они безъ сомнѣнія обязаны буддизму. Конечно, философскія начала этой религіи, ея отвлеченныя догматическія теоріи и умосозерцанія всегда были доступны лишь немно-

гимъ умамъ, для большинства же буддизмъ есть только рядъ обрядовъ и пышныхъ церемоній. Тѣмъ не менѣе вліяніе его на развитие бурятъ несомнѣнно. Уже одно то, что въ его богатой священной литературѣ на ряду съ туманными философскими и метафизическими трактатами есть много сочиненій, въ которыхъ въ доступной формѣ излагаются нравственные принципы этой религіи, описываются инныя страны, сообщаются историческія, географическія и другія свѣдѣнія, должно было расширить умственный кругозоръ новыхъ послѣдователей этой религіи и заставить умъ ихъ работать. Путешествія въ метрополиі буддизма Монголію и Тибетъ, знакомя бурятъ съ иною культурой, съ иными обычаями и привычками, еще болѣе способствовали этому. Но какъ и слѣдовало ожидать, своеобразное ученіе этой религіи о высшей цѣли жизни за предѣлами сознательно личной жизни, ея стремленіе устранить человѣка отъ міра и жизни должно было дать и дѣйствительно дало своеобразное направленіе умственной дѣятельности ламаитовъ. Прежде всего бурятъ ламаитъ хорошее видитъ только въ буддизмѣ. Затѣмъ сообразно съ основными положеніями ученія буддизма онъ на все матеріальное смотритъ какъ на зло, бѣжитъ отъ этого зла и потому мало интересуется природою и окружающею его жизнью, разъ она выходитъ изъ рамокъ религіи. Отъ этого въ народной литературѣ ламаитовъ мы находимъ цѣлый рядъ пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвается отреченіе отъ міра и общества, восхваляются буддійскіе святые, воспѣваются дацаны и при этомъ почти рѣшительно не видимъ произведеній, въ которыхъ пѣвцы задавались бы вопросами, выходящими изъ сферы буддійскихъ теорій, или же стремились бы уяснить себѣ причины различныхъ явленій природы и жизни.

Но какъ мы замѣтили уже выше, съ 60-хъ годовъ буряты начали подвергаться русскому культурному воздѣйствію. Подъ вліяніемъ этого воздѣйствія умственная неподвижность

шаманистовъ, хотя и понемногу, начинаетъ исчезать, а ламанты на ряду съ буддистами начинаютъ понемногу интересоваться и не буддѣйскими вопросами, и рѣшеніями этихъ вопросовъ. Что это такъ, доказательствомъ служитъ съ одной стороны то, что болѣе образованные буряты начинаютъ живо интересоваться текущими событіями нашей жизни, выписываютъ газеты и журналы, жертвуютъ деньги на школы и стипендіи, даютъ средства для собиранія и изданія матеріаловъ, касающихся ихъ жизни и быта и пр.; съ другой—то, что матеріалами по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта Иркутской губерніи зарегистрированъ фактъ тѣмъ большаго возростанія $\%$ грамотныхъ, чѣмъ моложе возрастъ. Такъ въ возрастѣ отъ 7-18 лѣтъ въ Бильчирскомъ вѣдомствѣ зарегистрировано 25, 6 $\%$ грамотныхъ, въ возрастѣ отъ 18—60—12, 2, тогда какъ въ возрастѣ отъ 60 лѣтъ только 1, 6 $\%$. Въ Аларскомъ вѣдомствѣ въ возрастѣ отъ 7-18 лѣтъ 15, 7 $\%$ грамотныхъ, въ возрастѣ отъ 18-60 лѣтъ 7, 5, въ возрастѣ отъ 60 лѣтъ 3, 12. Въ Тункинскомъ вѣдомствѣ въ возрастѣ отъ 7-18 лѣтъ 10, 0 $\%$ грамотныхъ, въ возрастѣ отъ 18—60 лѣтъ 9, 8 и въ возрастѣ отъ 60 лѣтъ ни одного*). При этомъ всѣ народные учителя съ большою похвалою отзываются о способностяхъ бурятскихъ ребятъ и нерѣдко ставятъ ихъ выше русскихъ. Правда, на научномъ поприщѣ до настоящаго времени пріобрѣлъ извѣстность только одинъ Доржи Банзаровъ, большинство же бурятскихъ дѣтей не кончаютъ и средней школы. Но это зависитъ не отъ неспособности бурятовъ, а оттого, во первыхъ, что сознавъ до нѣкоторой степени пользу грамотности, буряты не сознаютъ еще за немногими исключеніями пользу средняго и высшаго образованія, а во вторыхъ, оттого, что доступъ въ нѣкоторыя среднія учебныя заведенія для ламантовъ и шаманистовъ прямо закрытъ.

*) Матеріалы по изслѣд. землед. и х. быта сельск. нас. Ирк. губ.

Но отмѣчая это пробужденіе отъ умственной спячки буряты шаманистовъ и отъ односторонне буддійскаго направленія буряты ламаитовъ, нельзя не сказать, что какъ и во всякомъ дѣлѣ, такъ и въ этомъ, на ряду съ свѣтлымъ есть кое что и темное. Буряты, конечно, пробуждаются; умственный кругозоръ ихъ дѣлается понемногу шире. Но во первыхъ то и другое совершается не вездѣ въ одинаковой степени, а во вторыхъ, наряду съ нормальнымъ, такъ сказать, умственнымъ ростомъ замѣчаются иногда и не нормальныя уклоненія.

У насъ принято говорить о бурятахъ, какъ о чемъ то однообразномъ. Но это большая ошибка. Буряты далеко не все и не въ одинаковой степени поддаются русскому вліянію и идутъ по пути культурнаго развитія. Въ этомъ отношеніи они рѣзко дѣлятся на двѣ группы: буряты югобайкальскихъ, вообще меньше поддавшихся русскому вліянію, и буряты сѣверобайкальскихъ, поддавшихся ему болѣе. Затѣмъ какъ тамъ, такъ и тутъ, замѣчаются болѣе частныя группы, о чемъ свидѣтельствуетъ помимо другихъ данныхъ сравнительный $\%$ грамотныхъ. Такъ, матеріалами по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта населенія Иркутской губерніи въ 1887-89 г. для буряты Балаганскаго уѣзда зарегистрировано 9,0 $\%$ грамотныхъ, для буряты Нижнеудинскаго 3,9 $\%$, Иркутскаго 3,7 $\%$, Верхоленскаго 2,9 $\%$. Высказанному нами предположенію, что сѣверобайкальскіе буряты поддались большому вліянію, повидимому, противорѣчить то обстоятельство, что Высочайше учрежденной комиссіей для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области для буряты забайкальскихъ установленъ даже болѣе $\%$ грамотныхъ, чѣмъ для буряты Иркутской губерніи, именно 8,4 $\%$ для кочевыхъ инородцевъ и 6,5 для казаковъ инородцевъ. Но комиссія дѣлаетъ оговорку, что «при изслѣдованіи вопроса о распространенности

грамотности въ Забайкальской области имѣлось въ виду знаніе не только русской, но также монгольской и тибетской грамотъ, распространенныхъ среди инородческаго населенія», т. е. среди ламаитовъ. А такъ какъ ламаиты буряты весьма значительно преобладаютъ въ Забайкальѣ надъ православными и знаютъ почти исключительно только монгольскую и тибетскую грамоты, то само собою понятно, что $\%$ знающихъ русскую грамоту тамъ въ существѣ дѣла сводится къ нулю. Съ другой стороны и отношеніе инородцевъ къ школь и грамотѣ, разумѣется, русской, далеко не вездѣ одинаково. Такъ, если буряты нѣкоторыхъ уѣздовъ, какъ напр. Балаганскаго, хлопчутъ объ открытіи новыхъ школъ, платятъ значительныя деньги учителямъ, покупаютъ книги и пр., то буряты другихъ мѣстностей какъ напр. Ольхонскаго страдаютъ положительно какою то боязнію просвѣщенія. Такъ еще недавно они энергично боролись противъ заведенія у нихъ школы и не хотѣли посылать своихъ дѣтей учиться въ нее, а обязанные къ этому администраціей стали платить ежегодно по 50 р. тѣмъ родителямъ, которые соглашались отдавать своихъ дѣтей въ школу. Кромѣ того нельзя не отмѣтить также и то обстоятельство, что, сознавъ пользу грамотности для мальчиковъ, буряты всѣхъ безъ исключенія мѣстностей плохо еще сознаютъ необходимость ея для дѣвочекъ, доказательствомъ чего служатъ малый $\%$ грамотныхъ дѣвочекъ, именно 0, 2 для бурятъ Иркутской губерніи и 0, 1 $\%$ для бурятъ Забайкальской области.

Наконецъ, частію прежнія не всегда добрыя вліянія на инородцевъ, частію тотъ печальный, но повидимому неумолимый законъ, въ силу котораго низшему цивилизируемому племени прививаются сначала главнымъ образомъ только отрицательныя стороны высшей цивилизаціи, создали наряду съ нормальнымъ умственнымъ и нравственнымъ ростомъ бу-

рять крайне несимпатичный типъ «цивилизованного» бурята. Типъ этотъ имѣеть нѣсколько разновидностей, одна изъ которыхъ, какъ мнѣ кажется, хорошо охарактеризирована въ брошюркѣ М. І. П. «Желая изучить бурятскій языкъ, пишетъ авторъ, я сначала намѣревался преодолѣть самоучкой всѣ трудности новаго для меня предмета.

Вскорѣ были мною пріобрѣтены грамматики, разные изданія на нарѣчій сѣверныхъ бурятъ, были составлены собственныя замѣтки, но вскорѣ же я долженъ былъ сознаться, что подобное дѣло для меня непосильно. Частые мои разъѣзды, какъ пастыря-требо-исправителя, а главное—отсутствіе хоть какого-нибудь словаря мѣшали всѣмъ моимъ благимъ начинаніямъ. Увы! не было, съ одной стороны, регулярныхъ занятій, что особенно важно при всякомъ изученіи, а съ другой,—не было практическихъ переводовъ и упражненій и дѣло шло, какъ говорятъ, съ пятого на десятое. Я уже думалъ было отложить мечту до болѣе благопріятнаго времени, но вотъ мнѣ посовѣтовали выписать, верстъ изъ-за двухсотъ, одного крещеннаго ламу въ качествѣ репетитора, и я съ горячностью взялся за осуществленіе этой мысли.

Лама пріѣхалъ.

Знакомство мое съ Порфиріемъ Петровичемъ, какъ звали крещеннаго ламу, произошло послѣ праздника Рождества Христова.

Порфирій Петровичъ явился ко мнѣ съ большимъ апломбомъ. Пріѣхавши на лихой тройкѣ, развязно вошелъ въ помещеніе и не менѣе развязно началъ бесѣду.

На немъ былъ надѣтъ просторный пиджакъ, на которомъ красовалась бронзовая цѣпочка, а вмѣсто брелока—серебряный крестикъ. Брюки на выпускъ едва доходили до щиколокъ и плотно обтягивали ноги.

Оказалось, что Порфирій Петровичъ немного лучше знаетъ русскій языкъ, чѣмъ я бурятскій. Часто на мои во-

просы онъ отвѣчалъ съ усмѣшкой и ужимками: «не понимаю», или смотрѣлъ на меня во все глаза. Признаюсь, все это по-дѣйствовало на меня непріятно, особенно хитрые глаза бывшего ламы, которые такъ и бѣгали съ предмета на предметъ.

Порфирію Петровичу была отведена псаломщицкая комната, рядомъ съ кухней, куда онъ и удалился съ своимъ багажемъ, напившись чаю въ моей половинѣ.

Не прошло и часу времени, какъ уже Порфирій Петровичъ къ глубокому моему удивленію пригласилъ меня къ себѣ на стаканъ чаю, отъ котораго мы только что перевели духъ. Не желая обидѣть радушнаго постояльца, я пошелъ въ его комнату. Тамъ уже по стѣнамъ были развѣшаны лубочныя картины, начиная съ изображеній святыхъ и кончая шахомъ персидскимъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ, стояли стаканы съ крѣпкимъ до черноты чаемъ, о которомъ Порфирій Петровичъ предупредительно заявилъ, что это чай байховый, а не кирпичный.

— «Вы давно приняли святое крещеніе»? — спрашиваю Порфирія Петровича.

— «Годъ... крестный отецъ протоіерей N, мать крестная—жена судьи»...

— «Гм.. чѣмъ же вы доселѣ занимались? какъ робили?»

— «Народъ лѣчилъ. Я докторъ... Много лѣчилъ.. Засѣдателя, писаря, псаломщика.. Теперь живы». — И Порфирій Петровичъ засуетился, поспѣвъ въ свой чемоданчикъ и съ торжествующимъ видомъ подалъ мнѣ объемистую тетрадь, кратко сказавши: «вотъ!»

Толстая тетрадь была прошнурована, припечатана именно печатью владѣльца, а въ ней сообщалось о многочисленныхъ паціентахъ Порфирія Петровича, скоро и радикально излѣченныхъ. Мѣстами были внесены благодарственные записи и панегирики самихъ паціентовъ, восхваляющихъ выдающееся искусство «доктора». Однимъ словомъ предо мной

было нѣчто подобное тѣмъ печатнымъ отзывамъ, которые въ изобиліи рассылаются складами какой нибудь чудодѣйственной травы,—въ родѣ Кузмичевой,—излѣчивающей всѣ болѣзни.

Лѣкарствъ же у замѣчательнаго доктора былъ всего лишь одинъ маленькій коробокъ, такъ что надо предположить, что Порфирій Петровичъ больше «пользовалъ» внушеніемъ и симпатическими средствами, чѣмъ лѣкарствами...

— «А гдѣ же вы, Порфирій Петровичъ, получили медицинское образованіе? Гдѣ научились лѣчить?»

— «Тибетъ... въ самый Тибетъ. Долго учился, былъ ламой... Все равно, что священникъ»...

— «Что же? когда вы приняли христіанство, не притѣсняли васъ буряты?»

— «У! какъ тѣснили... Много было имѣнія, а теперь не много: родственники не даютъ. Да ничего! Самъ губернаторъ мнѣ знакомъ... Обѣщался хлопотать. Архирей тоже обѣщался»...

Черезъ нѣсколько дней я началъ составлять словарекъ при помощи Порфирія Петровича. При плохомъ знаніи русскаго языка мой репетиторъ и я нерѣдко прибѣгали къ нагляднымъ вопросамъ, къ мимикѣ. Спрашиваю, напр. какъ по бурятски носъ, и когда Порфирій Петровичъ недоумѣнно на меня поглядываетъ, то показываю на соответствующую часть тѣла. Въ свою очередь Порфирій Петровичъ, прикасаясь къ чашкѣ, къ хлѣбу, громко заявляетъ: «аягà», талхà»...

Такимъ образомъ у меня составлялась запись необходимыхъ словъ и фразъ и я уже радовался, не подозревая, какое меня ждетъ огорченіе впереди. Какъ-то приходитъ ко мнѣ буряты и я, желая щегольнуть знаніемъ бурятскаго языка, задаю инородцу заученную фразу Буряты ничего не понимаетъ. Спрашиваю еще что-то, а тотъ смѣется. Для провѣрки я схватываю драгоценную тетрадку и начинаю переспрашивать слова и... о, разочарованіе! многія слова чуть-

чуть схожи, другія имѣютъ совершенно иной выговоръ. Оказалось, что Порфирій Петровичъ знаетъ лишь селенгинское нарѣчіе, близкое къ монгольскому языку, а не хоринское, нужное для меня.

Когда я сообщилъ объ этомъ своему учителю, то, Боже мой, какъ онъ вскипѣлъ! Онъ говорилъ мнѣ, заикаясь, сверкая глазами, махая руками, что здѣшніе буряты не знаютъ настоящаго языка, что они необразованы, что онъ учился всѣмъ наукамъ въ Монголіи и пр. А для меня было очевидно только то, что труды мои пропали напрасно и что Порфирій Петровичъ не можетъ мнѣ помочь при изученіи хоринскаго нарѣчія. Разставаться мнѣ съ Порфиріемъ Петровичемъ все же не хотѣлось: я полагалъ, что онъ все-таки чѣмъ-нибудь да можетъ быть полезенъ миссіи.

Мною даны были бывшему репетитору: евангеліе на монгольскомъ языкѣ, русскія азбуки, молитвенники. Мнѣ казалось, что это заинтересуетъ его и принесетъ большую пользу сначала Порфирію Петровичу, а потомъ и родственнымъ ему бурятамъ. Стоило намъ только помѣняться ролями ученика и репетитора. Но такъ казалось, а на дѣлѣ вышло совсѣмъ другое. Порфирій Петровичъ на мое предложеніе заняться съ нимъ сказалъ, переведя глаза въ сторону: «Архирей надо хлопотать»...

— «О чемъ же предъ нимъ хлопотать?»

— «Псаломщикъ буду... дьяконъ буду... священникъ буду... прошеніе теперь писать»...

— «Но необходимо сначала учиться!»

— «Я много ученъ. Долго всякую науку проходилъ... Голосъ есть... Важно пою»... и въ доказательство послѣдняго Порфирій Петровичъ приложилъ желобкомъ ладонь къ верхней губѣ, выпучилъ глаза и дикимъ голосомъ съ ужасною хрипотою долго тянулъ: «а... а... а»...

Я невольно разсмѣялся. Разсмѣялся и Порфирій Петровичъ, вѣроятно принимая мой смѣхъ за поощреніе.

— «Нѣтъ! нѣтъ! говорю ему, вашего голоса очень мало для полученія діаконства».

Порфирій Петровичъ сильно обидѣлся. Онъ приводилъ мнѣ примѣры, что крещенные ламы и шаманы были священниками, говорилъ, что онъ не хуже другихъ, въ карты не играетъ, — табаку не курить и въ заключеніе ушелъ недовольный, хлопнувъ дверью.

Съ этого дня Порфирій Петровичъ уже ровно никакимъ дѣломъ не занимался. Пациенты къ нему не ходили, потому что окружающіе буряты съ ненавистью относились къ перекрещенному ламѣ, не иначе какъ съ отборной руганью. Они рассказывали, что «докторъ» крестился потому, что ему угрожалъ какой-то судъ, что онъ лѣчитъ «въ могилу» и самъ человѣкъ худой...

Я не придавалъ особаго значенія этимъ отзывамъ, такъ какъ видѣлъ въ нихъ отклики злобы за перемѣну вѣры.

Цѣлые часы Порфирій Петровичъ разгуливалъ по двору, заложивши руки въ карманъ и высоко поднимавъ голову, покрытую майскимъ картузомъ. Иногда онъ заходилъ въ мое помѣщеніе, садился молча на стулъ и уставившись на меня загадочнымъ взоромъ, упорно слѣдилъ за моимъ чтеніемъ или письмомъ. Иногда я, уединившись въ спальню, инстинктивно оглядывался и видѣлъ просунутую въ дверь голову Порфирія Петровича, которая быстро исчезала...

— «Вы-бы, Порфирій Петровичъ, рыбу половили... Право интересно... Полезно время проведете»...

Порфирій Петровичъ иронически улыбался, или мычалъ подъ носъ, что онъ не мужикъ.

— «Чѣмъ же вы будете теперь заниматься? Что намѣрены дѣлать?»

— «Надо архирей просить пособіе».

— «Зачѣмъ?»

— «Домъ буду строить... Товаръ торговать»...

— «На это надо сравнительно большую сумму денегъ. Намъ откажутъ. Если же вы хотите поселиться здѣсь, то я вамъ выпрошу 50 р. на хорошую юрту, но съ тѣмъ, что вы дадите подписку не уѣзжать изъ этого мѣста безъ уважительныхъ причинъ. Домомъ будете пользоваться пожизненно, но продать его вы не будете имѣть права»,—предложилъ я Порфирію Петровичу. Онъ подумалъ, подумалъ, потомъ согласился на мои условія.

Миссіонерскіе поселки очень важны для становъ, а потому неудивительно, что намъ вскорѣ выслали испрошенную сумму. Порфирій Петровичъ обрадовался; но когда я отказался ему дать на руки деньги и предложилъ въ его присутствіи нанять плотника и чрезъ мое посредство сдѣлать нужный для него домикъ, то на меня обрушились громы и молніи.

«Я обманщикъ?! воровать буду?! Мнѣ губернаторъ знакомъ... Крестный протоіерей... Всѣ хвалятъ... Что тутъ жить? уѣду... уѣду! У меня домъ другой есть... Не надо!»...

Однако Порфирій Петровичъ остался. Началось прежнее хожденіе по двору. Единственнымъ, какъ кажется, развлеченіемъ его были стычки съ работникомъ. Работникъ мой вообразилъ, что имѣетъ великую критическую способность распознавать господъ «настоящихъ» и «ненастоящихъ» и причислялъ крещеннаго ламу къ послѣднему разряду, не отдавая ему того глубокаго почтенія, какого требовалъ щепетильный Порфирій Петровичъ. Не разъ изъ кухни доносились громы Порфирія Петровича и ехидные отвѣты сторожа. Дѣло выходило или изъ-за того, что сторожъ посмотреть съ усмѣшкой на крещеннаго ламу, или же сидитъ въ то время, когда съ нимъ говоритъ Порфирій Петровичъ. Я, конечно, старался пріучать работника къ вѣжливости и быть снисходительнымъ къ чуткой гордости доктора.

Одинъ разъ шумъ и гамъ до того усилились, что я испуганный выскочилъ въ кухню. Глазамъ моимъ представилась смѣшная и въ то же время характерная картина для щепетильнаго Порфирія Петровича.

Порфирій Петровичъ держался за одинъ конецъ ухвата, а работникъ за другой. Они старались вырвать другъ у друга это орудіе. Глаза Порфирія Петровича налились кровью, ноздри его раздувались, а побѣлѣвшія губы изрыгали сибирскіе комплименты. «Варнакъ ты!» горячился первый. «Отъ варнака и слышу»,—равнодушно замѣчаетъ другой «Язви тебя»... «И васъ язви»...

Не знаю, чѣмъ бы окончилось дѣло, если бы я не развелъ бойцевъ, сдѣлавши строгій выговоръ работнику. Порфирій Петровичъ потребовалъ немедленнаго расчета сторожа. Я отказался, потому что работникъ мой былъ человѣкъ хорошій, преданный, а недостатокъ въ Забайкальѣ недорогихъ и надежныхъ людей постоянно составляетъ мѣстную «злобу дня».

Порфирій Петровичъ плюнулъ, хлопнулъ дверью и удался въ свою комнату.

Все это меня сильно огорчало, въ особенности мелкія, но частыя придирки Порфирія Петровича. То онъ требуетъ «бѣлый чай» (съ молокомъ), хотя я и самъ за неимѣніемъ дойной коровы пью черный, то ему непременно надо мяса, а «не червей» (рыбы), то онъ настоятельно проситъ помещенія въ необширной моей половинѣ, а не рядомъ «съ варнакомъ». Въ заключеніе Порфирій Петровичъ угрожаетъ къ моему ужасу снова перейти къ бурятамъ, сдѣлаться опять языческимъ ламою и потомъ болѣе миролюбиво требуетъ изрядную сумму на проѣздъ домой. Деньги выдаются, а Порфирій Петровичъ опять ходитъ цѣлые дни по двору, заложивъ руки въ карманъ и съ лицомъ человѣка, неоцѣннаго

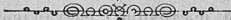
по достоинству и заслугамъ, но глубоко и несправедливо обиженного.

Наконецъ Порфирій Петровичъ беретъ въ селѣ въ долгъ и на деньги товару и дѣлается купцомъ. Въ цѣлый мѣсяцъ онъ продаетъ на рубль съ небольшимъ.

Однажды я возвратился послѣ долгой поѣздки и уже не засталъ Порфирія Петровича. Онъ уѣхалъ послѣ сильного сраженія со строптивымъ сторожемъ, захвативъ съ собою взятый въ долгъ товаръ. Впрочемъ кунецъ во время хватился и уже на станціи успѣлъ отобрать незаконно-присвоенное.

Такъ я расстался съ Порфиріемъ Петровичемъ, котораго мысленно прозвалъ «человѣкомъ большихъ претензій и мелочной амбиціи».

И. А. Подгорбунскій.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Благодатное дѣйствие таинства св. крещенія.—Высокопреосвященнѣйшій Тихонъ, Архіепископъ Иркутскій и Верхотенскій. (Биографическій очеркъ по случаю исполнившагося 50-тилѣтія со дня рукоположенія его въ Священный санъ). (Продолженіе).—Буряты. (Окончаніе).

Редакторъ, священникъ **И. Подгорбунскій.**

Печатать разрѣшается: Цензоръ, преподав. Иркутской Духовной Семинаріи, **К. Макарычъ.** 26 марта 1903 года.

Иркутскъ, 1903 г. Типографія А. А. Сизыхъ, Большая ул., д. Милевского.